

Чеснокова Серафима

10 класс, школа №76, Санкт-Петербург

Пресс-центр «Поколение» (руководитель – Светлана Николаевна Карпова)

Рецензия на спектакль «Дядя Ваня», театр им. Ленсовета

Нарисуй мне пистолет

От мнимых страданий уже тошнит. От напускной грусти уже тошнит. Каждый раз поражаешься тому, как тебе стараются продемонстрировать свою безмерную тоску. Как ты выразишь ее сегодня? Глухое молчание или же заунывные рассказы? Выбирай.

«Те, кто будут жить через 100-200 лет ведь не помянут нас добрым словом», – из-за грусти в Вашем голосе, доктор Астров, и не помянут! А Юрий Бутусов поможет нам Вас вспомнить без лишних слез и трепетаний. Странно?

Случится это на сцене театра Ленсовета, в «коридоре», где чеховские неудачники поочередно выходят из дверей с именными табличками. Жизнь в «светлом», «душном» коридоре. Каждый в своем углу, каждый со своим жестом, повторяющейся репликой. Бьются. Как в сумасшедшем доме. Пациенты с различными заболеваниями сходятся в общей комнате. Все больны и несчастны.

Музыка играет так громко, заглушая слова Вани, Сони, Телегина. Соня — Ольга Муравицкая, согнув руки в локтях, изображает

птицу. У Вани, Александра Новикова, в бесконечном тремоло двигается правая рука, он будто играет на огромном контрабасе, быстро натягивая и отпуская его струны. То ли танцует, то ли пытается бороться с подступающим Альцгеймером. Телегин не может стоять и, упав, ползет, весь извиваясь. Но Бутусов не ставит диагнозы. Ему интересно показать то, как герои потеряли свою жизнь, пострадали, не жили, а мучились. Чеховские персонажи Бутусова даже не слышат друг друга, а чтобы и мы их не услышали, стараются заглушить монолог другого барабанной дробью. Зачем? Ведь и так понятно — пропала жизнь. Ваня перебивает Телегина стуком полена о перевернутый таз. Ваня упрекает Елену не в том, что она его не любит и не способна полюбить, а в том, что не дает себе воли, не живет, то есть делает ту же ошибку, что и он. Педант Астров (Евгений Филатов) проникновенно сообщает, что чудак — и есть самый нормальный человек, но это совсем не открытие в мире коммунальных коридоров Бутусова. Сам же доктор — олицетворение нормы: рук не заламывает, странных движений не делает, говорит в среднем регистре, а не завывает, как Ваня. Тот повышает голос к концу каждой фразы, и от этого неожиданно проступает новый смысл затертых слов, например, «живУт миражАми». Хочется постоянно цитировать реплики пьесы, используя эти неожиданно открывшиеся интонации, проговаривать и слышать, как рождается новый смысл в «я ночи не сплю с досадЫ и злостИ...». Ваня не просто сокрушается — он в бешенстве. А Астрову — все норма. Да, за десять лет он постарел и стал пошляком, но в этом нет драмы. Может быть, Астров и чудак, но его чудачество — объяснимо. Ваня же абсолютно не рационален. Александр Новиков играет не «больного», не клоуна-неудачника, а пыльного писаку,

присыпанного тальком, как пеплом. Сокрушаться и раскаиваться Ваня будет весь спектакль, и кажется, что он делал это задолго до его начала. Ни смешка, одна сплошная тоска, сосредоточенность, точный пластический и психологический гротеск, пародийные «всхлипы Баса».

Режиссер делает вид, что зритель знает пьесу. Зритель сразу понимает, что такому пыльному Ване невозможно и просто жить, не то что быть счастливым. И возрастная Соня, не столько некрасивая, сколько омертвевшая — с выбеленным лицом и гримасой страдания, — тоже не жилец. Да вечно рыдающий Серебряков (Сергей Мигицко) — несчастен. Ведь у него была, да, была жизнь, а теперь ее нет. Важно только то, что теперь — нет.

Бутусов не режет пьесу, а укрупняет многократным повторением только несколько фраз. Ваня все время твердит, что ему 47 лет, и как-то он проживет оставшиеся 13 (это его фобия). Соня неоднократно кричит, что если не знать — то это хоть какая-то надежда (это ее психотравмирующий фактор). Иногда маниакальность спадает, и некоторые сцены идут, соответствуя пьесе. Хотя все равно в отношениях сохраняется странность, например, Елена и Ваня тут временами переглядываются с пониманием и смехом. Безумный мир — он и есть безумный.

Бутусов и добивался абсурда. Без невероятно удручающей меланхолии Чехова, которая завлекала многих режиссеров. Кончаловского, например. Все в атмосфере его фильма взывало к Чехову: медлительность движений, повторяющиеся моменты тишины. У Кончаловского кошмар повседневной - «социальной» - жизни открывается в фотографиях: то газетных, то перебираемых доктором Астровым: дети-жертвы очередного голода в Поволжье, олень, подстреленный на охоте государем-императором Николаем

Александровичеч. За кадром в это время играет музыка Альфреда Шнитке, напоминающая лихорадочное биение пульса. И да, финальный кадр у Кончаловского взывал к принятию всей безнадежности: тусклая земля, холодное солнце ничуть не походят на «веселую психушку» Бутусова.

Замыкая круг, повторится вопрос Вани к Астрову: как прожить остаток жизни по-новому? Но как строить новую жизнь, если от старой не отделаться — не разрубить и не сжечь.

Так, в сцене семейного совета, Ваня не сможет избавиться от источника своих мук. Вот уже Серебряков, сообщая свой план спасения, мучается от духоты и раздевается до исподнего, поочередно обливаясь то слезами, то потом. Вот он, практически снявший последнюю рубашку, вызывает улыбку сожаления, но никакие уловки не помогут. А Ваня, обессиленно стекающий со стула, все же не поддастся такому дешевому трюку.

Но и застрелить человека в подштанниках не сможет — пистолет огромный и нарисованный. А Соня, обреченно таскавшая за собой топор и твердившая о милосердии, вдруг начнет рубить бумажную декорацию, снимать двери с петель, сваливать все в одну кучу.

Она сломала дом-коридор, полила бензином из канистры. Только Соня решилась расправиться с этой «клеткой». Марширует и даже не замечает, что ее действия не спасли Ваню, да и вряд ли спасут ее саму. Теперь в холодном космосе мироздания, они никому не нужны. Получается, что в картонной дурке жить куда правильнее и интереснее, чем в темном неотопливаемом мире за пределами сумасшедшего дома.